

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ЖЕНЩИНЫ
ДА ВИНЧИ

роман

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Женщины да Винчи : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-098614-9

Иногда так хочется полностью переменить свою жизнь! Ведь перемены обещают нам счастье. Но когда они случаются по стечению опасных обстоятельств... Именно это происходит в жизни Белки. В неполные тридцать лет Белла Немировская отлично разбирается в мужской природе благодаря своей интуиции и профессии психолога. Поэтому ее жизнь идет легко и приятно. Но вдруг — вместо родной Москвы чужой город в самой глубине России, чужие и непонятные ей люди... И семейное прошлое, о котором она, оказывается, ничего не знала.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т. А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019
ISBN 978-5-04-098614-9

ЧАСТЬ I

Глава 1

До чего же Белка ее ненавидела!

Нет, ну вот как это: быть в двух шагах от Венеции, уже смотреть на воду Лагуны и вдруг ни с того ни с сего развернуться, взять чемодан и отправиться в аэропорт на вылет? А именно это ей и предстояло сейчас сделать, и как же не ненавидеть человека, из-за которого это предстоит? Белка и ненавидела.

Конечно, эта ее ненависть началась не сегодня, но венецианская вода всем своим бледно-зеленым манящим объемом сыграла роль последней капли.

Белка достала из кармана монетку в два евро и, как плоский камешек, пустила ее прыгать по поверхности этой недоступной воды. Ничего, кроме ярости, она при этом не испытывала. Может, не с таким чувством надо загадывать свое будущее возвращение в Венецию, но уж какое есть.

— Белиссимо! — услышала Белка. — Помочь чемодан до остановки дотащить?

Игорь стоял в покачивающейся на зеленых волнах лодке — в водном такси то есть — и окли-

кал ее оттуда, балансируя со всей показной непринужденностью, на которую было способно его тренированное тело. С этим красавцем, журналистом «Коммерсанта», у Белки наметился роман, недолговечный в силу сроков пресс-тура, а потому наиболее приятный из всех возможных, и на фоне этого несостоявшегося романа его теперешнее джентльменское предложение выглядело просто издевательством. И обращение к ней на итальянский манер — тоже.

— Я такси вызвала, — сквозь зубы процедила Белка.

— Удачи!

Игорь приветливо помахал рукой. Лодка загудела и отошла от берега. Белка посмотрела, как она летит по Лагуне в венецианскую даль, и, дернув за ручку чемодана так, словно не выдвинуть ее намеревалась, а вырвать с мясом, пошла к автобусу, обычному, не водному, который как раз подъехал к пристани.

Глупо было расстраиваться из-за того, что не состоялась Венеция. При ее-то работе! Состоится в другой раз. И начальница наверняка рассуждала именно так, если, конечно, вообще рассуждала, прежде чем потребовать, чтобы Белка срочно вернулась в Москву.

Но Белка вот именно расстраивалась, и чуть не до слез. Венеция являлась для нее каким-то заколдованным местом, это она еще в прошлом году случайно заметила и вскоре поняла, что не ошибается.

Каждый раз, когда появлялась возможность поехать туда, оказывалось, что Белка именно в это время должна заниматься чем-то другим. Пусть даже чем-нибудь приятным, например, разработкой головокружительного путешествия на Маврикий для головокружительно же богатого клиента, но — для Венеции ей сейчас не время. А потом начальница отправляет ее в Гималаи с целью выяснить, имеются ли в тамошних ашрамах условия для цивилизованного проживания миллионеров, свихнувшихся на индийской философии, или же повсюду царит сплошная антисанитария. А потом придумывается еще что-нибудь, и Венеция, конечно, откладывается.

Да и вообще Венеция не входила в число городов, куда сотрудникам давно работающей турфирмы требовалось ездить. Она была уже изъезжена и описана до последнего камешка, и при необходимости, не выходя из офиса, с легкостью можно было выяснить, какого цвета умывальник на любом этаже любого ее отеля и какие фрески в любом ее палаццо. И все их клиенты давно уже в Венеции побывали или прекрасно могли съездить туда самостоятельно, без помощи агентства.

Поэтому нынешняя рекламная поездка по виллам Палладио, во время которой предполагался день в Венеции, была событием таким же редкостным, как и то, что Белка не оказалась именно в это время занята чем-нибудь срочным, а потому добилась, чтобы — через кислую улыбку и недо-

уменное пожимание плечами — начальница ее в эту поездку отправила.

Добилась, называется!

Ярость вскоре прошла, Белка вообще не была склонна к чрезмерности в чувствах, но на смену ей пришла досада, и такая, что уже в самолете она подумала: «Я не я буду, если в ближайшее время сюда не приеду. Всем назло!»

Глупая, детская клятва. А если проанализировать, отчего такая странная тяга именно к Венеции, а не, например, к Барселоне или к Лондону, то выяснится, что и она имеет детское, точнее, подростковое происхождение: именно в подростковом детстве Белке попалась книжка про город, в котором все влюбляются, и только тогда у нее была еще склонность подобным книжкам доверять.

Она бросила последний сердитый взгляд в иллюминатор на ускользающую Венецию и сделала погромче музыку в наушниках.

Глава 2

Маму Белка увидела во дворе. Та была занята своим обычным делом: кормила собак. Вернее, на этот раз одну собаку, черно-серо-пегую с отвислым брюхом. У нее недавно родились щенята, и мама теперь покупала для нее не только колбасу, но и молоко и, размочив в нем батон, выносила его к мусорным контейнерам в большой латунной

миске, в которой в годы Белкиного детства варила варенье.

Куда девать щенков, когда они, жалостливо выкормленные, подрастут, мама, понятное дело, не думала. Убеждать ее во вреде абстрактного гуманизма было бессмысленно. Тем более что Белка и сама не была в этом убеждена, и что делать со щенками, не знала тоже.

Собака уныло чавкала над миской. И это монотонное чавканье, и весь ее вид показывали только одно: что ей глубоко безразличны и народившиеся непонятно зачем щенки, и собственная бессмысленная жизнь. Вряд ли это было так — все же, наверное, имелся у нее инстинкт выживания, или что там помогает собакам жить, — но вид у нее был именно такой.

— Ты, Белочка? — удивилась мама, заметив дочь. — А говорила, только в воскресенье вернешься.

— Планы переменялись.

— У тебя? — сразу насторожилась она.

Дочь редко меняла свои планы; неудивительно, что мама встревожилась.

— У начальницы, — успокоила Белка. — У богатых свои причуды.

В том, что необходимость ее срочного возвращения — это именно причуда вздорной бабы, сама она ни минуты не сомневалась.

— А я сегодня ничего не приготовила, — расстроилась мама.

— Я в самолете поела.

Оказавшись в этом дворе, Белка и сама почувствовала себя как унылая бессмысленная собака.

Можно, конечно, куда-нибудь пойти — всего девять часов, вечер пятницы только начинается. Но досада не прошла, настроения развлекаться и с кем-либо общаться не появилось, поэтому Белка устроилась у себя в комнате на диване, рассеянно листая книжки, которые перед поездкой закачала в читалку, поглядывая на экран компьютера, где беззвучно шел неувлекательный французский фильм, и изредка перебрасываясь с кем попало в сетях ничего не значащими фразами.

Через два часа такого времяпрепровождения она уже думала, что напрасно никуда не пошла, поддавшись досаде и лени. Как странно! Когда путешествуешь и видишь широкий мир, то вроде бы и собственная жизнь должна представлять перед твоим мысленным взором широко раскинувшейся в пространстве и времени. Но нет — во время путешествий ты видишь в своей жизни только то, что относится непосредственно к сегодняшнему дню. Зато стоит тебе завалиться на диван в десятиметровой комнате в панельной девятиэтажке в микрорайоне Южное Тушино, как собственная жизнь, втиснутая в этот маленький объем, нехотая предстает перед тобою во всей своей... Нет, не красе, а наоборот — во всей своей узкой обыкновенности.

И заполняет тебя до самого горла бездействие. Не безделье, а бездействие как физическая величина. Как газ гелий. Только от газа гелия тела ста-

новятся легкими и взлетают вверх, а от бездействия твое собственное тело вдавливается в землю, кажется, навеки.

Белка взглянула на часы. Бездействие сожрало сто восемьдесят минут ее жизни. Выбираться из дому уже не имело смысла, учитывая, что завтра к девяти на работу. Да хоть бы и имелся в этом смысл, запала-то все равно не было. Даже для того, чтобы просто поднять себя с дивана и направить в ванную, Белке потребовался мысленный рывок.

У мамы в комнате было тихо, но полоска света пробивалась из-под двери, значит, она не спала. Ну да, мама ведь никогда не ложилась, не заглянув к дочке с пожеланием спокойной ночи.

Когда Белка вошла в ее комнату, мама читала. Книжка была на английском, с прелестной пастельной картинкой на обложке — парк, девичьи фигурки, пароконные экипажи; Белка узнала свое недавнее лондонское приобретение. Она покупала маме книжки на английском, французском и немецком во всех своих поездках. С тех пор как появились электронные книги, расход на дорогие бумажные, тем более заграничные, стал маму смущать, но все-таки она не могла отказаться от того, что, вызывая у Белки улыбку, именовала запахом живых страниц и прелестью живых букв.

Здесь, в маминой комнате, тишина была просто осязаема. Ее можно было резать ножом, как смородиновое желе.

— Тебе не скучно? — спросила Белка.

— Почему вдруг?

Мама посмотрела удивленно.

— Ну, не знаю. Тихо у тебя, как... Хотя телевизор бы включила. Ночные новости.

— А какие у них могут быть новости? — пожалала плечами мама. — Всё одно и то же, и ничего другого не будет. Этот «Титаник» сел на мель.

— «Титаник» налетел на айсберг, — напомнила Белка.

— Этот — сел на мель, — убежденно возразила мама. — Слишком мелкие цели у этого общества.

Постоянное чтение на иностранных языках приучило ее мыслить глобально по таким поводам, которые, по Белкиному убеждению, глобальных размышлений не требовали.

«Ну, я-то и сама новости не смотрю, — подумала Белка. — Нечего и другим навязывать».

Она вообще не смотрела телевизор — не то чтобы принципиально, просто все, что по нему показывали, вызывало у нее ощущение такого убожества, на которое жаль тратить свою единственную жизнь. Мама, правда, не считает вот эту свою жизнь единственной, но с ее верой в бессмертие души тем более не обязательно тратить часть жизни, отведенную для пребывания в здешнем несовершенном мире, на просмотр идиотских телепрограмм, в которых взрослые люди переодеваются и кривляются, изображая зачем-то других взрослых людей, таких же неинтересных, как они сами.

Вообще, круг маминых повседневных занятий являлся таким точным воплощением ее личности, что этому можно было только позавидовать.

Она верила в Бога с той же естественностью, с какой верила в детстве, а потому ходила в церковь как по праздникам вроде Пасхи и Крещения, так и, в Белкином представлении, без всякого повода.

Она была убеждена, что культура — это лучшее из созданного людьми, а потому могла ни с того ни с сего отправиться в Пушкинский музей просто для того, чтобы освежить в памяти впечатление от картин Сезанна.

Она была милосердна до наивности — и давала деньги бомжам, а также кормила всех окрестных собак и голубей, причем для голубей нарезала зачерствевший хлеб мелкими кубиками, чтобы им удобнее было клевать.

Она полагала, что человеческому разуму необходимо ежедневное усилие над собой — и ежедневно же читала на трех языках попеременно.

Белку ничуть не удивляло, что мама никогда не была замужем. Было бы удивительно, если бы она замуж вышла. Не потому, что мужчины не любят слишком умных женщин — Белка не была уверена, что главная черта, определяющая мамину жизнь, должна называться именно умом, — а просто потому, что в таком стройном, тонком, гармоничном мире, в каком жила она, места для мужчин не могло быть по определению. Уж Белка-то знала, что такое мужчины, поэтому представить кого бы то ни было из них рядом с мамой не могла.

— Надо тебе в Венецию съездить, — сказала Белка.

Непонятно, какая связь между «Титаником» и Венецией, но мама не удивилась.

— Я откладываю деньги, — кивнула она. — И представь, именно на Венецию. Хотя и Париж, конечно, привлекает необыкновенно.

Белке стало стыдно за клятву, принесенную самой себе в самолете. Лучше бы маму поклялась в Венецию отправить, вот уж кому этот город необходим как воздух. Именно как воздух, правильная поговорка. Белка вообще не понимала, как мама прожила большую часть своей жизни в сознании, что ни Парижа, ни Венеции не увидит никогда. Хорошо, что теперь дело только в деньгах, и даже при том, что денег всегда не хватает, все равно хорошо.

— Только я не хочу ехать туда во время карнавала, — сказала мама. — Вряд ли он мне понравится.

Это-то понятно. Даже Белка при всей своей любви к гораздо более энергичному времяпрепровождению, чем мамино, терпеть не могла народных гуляний. Буйную толпу за плечами носить — сомнительное удовольствие.

— В октябре поедешь, — сказала она. — За лето как раз деньги соберем.

Хорошо, что мама не предложила поехать в Венецию вдвоем: такого глубокого погружения в высокую духовность Белка просто не выдержала бы. Ей было в мамином мире не по себе, и это еще очень мягко сказано. Стоило ей побыть рядом с мамой день-другой, как начинало казаться, что ее

завернули в вату и положили в коробку до каких-то лучших времен, которые неизвестно когда наступят и наступят ли вообще. В такой коробке прошла и проходила вся мамина жизнь. При мысли о том, что подобное может произойти и с ее жизнью, Белку пробирала дрожь.

Словно догадавшись, о чем она думает, мама сказала:

— Ложись, Белочка. Тебе же завтра рано вставать.

Ни обид, ни упреков, ни сожалений хотя бы. И так всю жизнь. Все-таки Гоголь был не совсем прав — может, вообще-то на свете и не скучно жить, господа, но такую вот, как у мамы, жизнь проживать и скучно, и грустно, и очень печально.

Глава 3

На работу Белка явилась без опоздания.

Но Ленка все-таки ухитрилась ее опередить. Ее голос — с легкой хрипотцой, как колокольчик над дверью агентства, — Белка услышала сразу, как только вошла с улицы. Ей пришлось полминуты постоять перед тремя ведущими в комнату ступеньками, чтобы подавить в себе раздражение. Чем начальница вызывала у нее это неизменное чувство, Белка и сама не понимала. Обыкновенная бизнес-дама. Самоуверенная, самовлюбленная, ухоженная, категоричная — ну самая обыкновенная!

Когда Белка вошла в комнату, та разговаривала